

УДК 94(47).04

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243

К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период

*Андрей Кекшинович Манджиев*¹¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3350-4582. E-mail: kekshinov.mak@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджиев А. К., 2020

Аннотация. *Цель* статьи — проанализировать источники и показать, что калмыки после прихода в Россию не заимствовали рыболовецкие приемы и термины у соседних народов, а использовали свои, являвшиеся наследием их предков-ойратов. *Материалы и методы.* Работа основана на анализе сведений, связанных с историей рыболовства у калмыков и опубликованных в различных научных трудах. Также автор использовал материалы полевых наблюдений. В ходе исследования использовались различные специальные методы: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный. *Результаты и выводы.* Ряд калмыковедов полагал, что калмыки издревле занимались исключительно кочевым животноводством и другие отрасли экономического производства не развивали, а рыболовством калмыки-скотоводы занялись на территории Нижнего Поволжья вынужденно, из-за обнищания. Исследование, проведенное автором, показало, что эта отрасль была привычным занятием для части ойратов еще на исторической родине. Уже в начале XVIII столетия появляются законодательные акты правительства и губернской власти России, которые регламентируют окончательно сложившийся промысел и разграничивают их с русскими ловцами. Во второй половине XIX – начале XX в. для части калмыков приморских и приволжских улусов рыболовство являлось главной экономической отраслью. Также можно констатировать, что развитие рыболовства у калмыков, безусловно, усилило его экономическую основу и увеличило жизненные ресурсы калмыцкого общества.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Калмыцкая степь, калмыцкое рыболовство, Яндыко-Мочажный улус, рыболовные промыслы, низовья Волги, неводные рабочие, рыболовные снасти

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Манджиев А. К. К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 232–243. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243

Revisiting Pre-Revolutionary Fishing Practices of the Kalmyks

Andrey K. Mandzhiev ¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Senior Research Associate

 0000-0003-3350-4582. E-mail: kekshinov.mak@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhiev A.K., 2020

Abstract. *Goals.* The article seeks to examine respective sources and show that the Oirats – ancestors of Kalmyks – had been engaged in fishery activities since ancient time, and on arrival in Russia’s borders borrowed neither fishing techniques nor terms but would rather make use of their original ones. *Materials and Methods.* The work analyzes historical data related to fishing practices of the Kalmyks and published in various scientific papers. It also involves quite a number of expert observations. The study employs historical genetic, historical systemic, and historical comparative research methods. *Results and Conclusions.* A number of scholars to have dealt with Kalmyk studies believed that since ancient time the Kalmyks had been engaged exclusively in nomadic livestock breeding, leaving any other branches of economic production totally undeveloped, and their fishing activities in the Lower Volga, thus, viewed as a desperate measure caused by impoverishment only. The study shows the Oirat population had been well familiar with this industry back in their historical ancestral lands. Already the early 18th century witnesses the adoption of central and provincial government decrees supposed to regulate quite shaped fishery activities and distinguish Kalmyk-occupied fishery areas from those of Russian settlers. In the mid-to-late 19th and early 20th centuries, fishery proved central to economies of Kalmyk-inhabited districts adjacent to the Volga and Caspian Sea. It can also be noted that the development of fishing practices within the Kalmyk community definitely strengthened its economic basis and increased vital resources.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyk steppe, Kalmyk fishery, Yandyk-Mochazhny District, fisheries, Lower Volga, seine workers, fishing gear

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Mandzhiev A. K. Revisiting Pre-Revolutionary Fishing Practices of the Kalmyks. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 232–243. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-232-243

Введение

У большинства калмыковедов и жителей Калмыкии сложилось мнение, что калмыки издревле занимались исключительно скотоводством и другие отрасли экономического производства не развивали. Предполагалось, что рыболовством калмыки-скотоводы занялись вынужденно, например, из-за обнищания. Так, в академическом труде «Очерки истории Калмыцкой АССР» указывалось, что «потерявший свое хозяйство калмык должен был покидать

улус и искать какого-либо заработка. Самым старым отхожим промыслом у калмыков было рыболовство. Частная инициатива в отношении ловли волжской рыбы для калмыков была затруднена законами 1737 и 1846 гг., которые запрещали калмыкам лов рыбы в казенных и откупных водах» [Очерки 1967: 276].

В. А. Мейстрик в своей работе, посвященной рыболовству у калмыков в «ранний период их европейской жизни», писал, что: «Ни в одном из исследований мы не находим указаний, каким путем часть калмыцкого населения отказалась от своего исконного занятия — скотоводства, пришла к вольному ловецкому промыслу. Обращение к этому промыслу нельзя объяснить обеднением, ибо даже весьма примитивное ловецкое оборудование требовало значительных, по тогдашнему времени, средств» [Мейстрик 1969: 157]. Это замечание В. А. Мейстрика хорошо показывает, что занятие самостоятельным рыболовным промыслом требовало наличия инвестиций и не могло быть занятием обнищавших скотоводов. На наш взгляд, калмыки (потомки ойратов) издревле занимались рыболовством и при переходе в Россию не заимствовали рыболовецкие термины и методы работы, а использовали свои. Изучение этого феномена является основной целью данной статьи.

В историографии истории Калмыкии дореволюционного периода есть несколько работ, которые ясно показывают высокую степень развития рыболовства среди калмыков в XVIII – нач. XX вв. Из дореволюционных исследований можно выделить труды главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова, историка Н. А. Попова, этнографа и краеведа И. А. Житецкого [Костенков 1868; Попов 1861; Житецкий 1892]. Они изучали, описывали и анализировали проблемы калмыцкого народа наряду со всеми экономическими и политическими процессами, происходившими в России.

Из работ советского периода следует выделить труд В. А. Мейстрика [Мейстрик 1969], который, работая юрисконсультom Волго-Каспийского госрыбтреста, хорошо знал историю рыбной отрасли Нижнего Поволжья и калмыков, работающих в этой отрасли.

Среди исследований постсоветского периода необходимо отметить статьи и диссертацию И. С. Крепской (Панченко) и статьи В. В. Батырова и Н. П. Мацаковой (Леджиновой), которые с объективных позиций показывают историю развития рыболовства у калмыков дореволюционного периода [Панченко 2006; Панченко 2007; Крепская 2008; Батыров 2009а; Батыров 2009б; Батыров 2010; Мацакова 2018]. Несмотря на все это, миф о калмыках-рыбаках как бедняках, перешедших к этому занятию от безысходности, достаточно устойчив. Настоящая статья призвана внести свою часть доказательств в развенчание этого мифа.

Материалы и методы

Работа в значительной степени основана на выявлении, анализе и обобщении сведений по истории рыболовства у калмыков, имеющихся в историографии истории Калмыкии, в том числе и в трудах, не связанных напрямую с тематикой рыболовства. Кроме того, использовались различные источники: законодательные акты, полевые наблюдения и т. д. В ходе исследования использовались как общенаучные методы (синтез, анализ, дедукция, индукция), так и специальные

исторические методы (историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный). Например, для того чтобы проследить связь между рыболовством у калмыков и монголов, была сопоставлена лексика, связанная с рыболовством, что и обусловило применение историко-сравнительного метода.

Ойраты и рыболовство

Рыболовство издревле практиковалось у монгольских кочевников и упоминается даже в первых письменных источниках по истории монголов. Например, в «Тайной истории монголов» Тэмуджин (будущий Чингис-хан) убил своего брата Бектера за то, что тот когда-то отнимал у своих единокровных братьев пойманную рыбу [Сокровенное сказание 2013: 32].

Очевидно, что рыболовство, как охота и собирательство, сохранилось среди протомонгольских племен даже после их перехода к кочевому скотоводству. Думается, что определенная часть ойратов занималась рыболовством еще на исторической родине. Еще в монголо-ойратских законах 1640 г. встречается упоминание о штрафе за кражу рыболовных сетей. В источниках, относящихся к 1643 г., сохранились сведения о том, что калмыки в низовьях Яика «ставят на рыбу аханы» (цит. по: [Батыров 2010: 105]).

О том, что рыболовство было привычным занятием для калмыков-скотоводов, пришедших на территорию Нижнего Поволжья, говорит и тот факт, что все рыбы и орудия лова на калмыцком языке носят свои названия, а не заимствованы из языка местных татар или русских. Например, лодка на калмыцком называется *оңиц*, рыболовные сети — *гөлм*, острога для ловли рыб — *серэ*. Рыба по-калмыцки называется *захсн*, щука — *цурх*, севрюга — *цоохр*, белуга — *хорв*, тюлень — *хав* и т. д. [КРС 1977: 146, 236, 450, 561, 598, 636, 641]. Мало того, эти названия во многом совпадают с монгольской терминологией. Например, лодку монголы называют *суман онгоц*, рыбу — *загас*, щуку — *цурхай*, белугу — *хорв загас*, севрюгу — *цоохр загас*, тюленя — *хав загас* [Кручкин 2006: 22, 188, 450, 461, 532].

Рыболовство у калмыков в XVIII в.

В XVIII в. ускорилась крестьянская колонизация территории Нижнего Поволжья, целью которой было экономическое освоение южных окраин Российской империи. В 1762 г. население Астраханской губернии составляло уже 73 344 человека, не считая кочевников. Наличие такой важной в стратегическом и экономическом отношении водной артерии, как Волга, во многом обусловило направление колонизации и освоение этой территории, поставив рыболовство на первое место в экономическом развитии Нижнего Поволжья. Неудивительно, что оседлое население в первую очередь расселялось по берегам Волги и других крупных рек этого региона. И. С. Панченко (Крепская) подчеркивает, что в 40-е гг. XVIII в. «территория, которая еще недавно была местом сезонных кочевий калмыков, начинает стремительно сокращаться» [Панченко 2006: 35]. В результате этого начались конфликты между российскими рыбопромышленниками и калмыцкими ловцами.

Один из первых биографов В. Н. Татищева, анализируя его деятельность на посту губернатора, отметил, «что в рыбных промыслах по реке Волга ведутся давние споры между русскими и калмыками. Морское рыболовство как будто признано и санкционировано русской властью, продвижение же калмыцких

ловцов вверх по реке Волге встречало противодействие, и условия об этом рыболовстве включались в договорные записи русского правительства с ханами и наместниками ханства» [Попов 1861: 330–332].

Уже в первой половине XVIII в. издавались законодательные акты Российской империи, относящиеся к калмыцкому рыболовству. Можно привести в пример правила «О рыбных ловлях для калмыков около Астрахани», утвержденные астраханским губернатором В. Н. Татищевым с одобрения наместника ханства Дондук-Даши 19 января 1742 г.: «Калмыкам в летнее время: мая с 1-го, октября по 1–4 число и зимою до вскрытия воды рыбу по прежнему обычаю ловить по всей Волге, также в протоках и озерах от Саратова и до моря такими снастями, как прежде лавливали, удами малыми и сомовыми сетями и неводами, которые б не более 100 саженой были, а в море от устья волжских подле берегов до Яика и Терека невозбранно всякими снастями. В октябре и ноябре по покрытию Волги, когда бывает главный ход рыбы, калмыкам в настоящей Волге и великих протоках никакими снастями не ловить, а довольствоваться в малых протоках, заливах, а от вскрытия Волги, мая по 1-е число хотя им, калмыкам, ловить и по всей Волге, токмо малыми снастями. Хотя выше калмыкам по всей Волге рыбу ловить летом и зимой допущено, однако ж зимой в тех местах, где промышленники неводом ходят и снасти ставят, в то время тут не ловить и тех промышленников не утеснять» [Попов 1861: 635].

И. А. Житецкий, характеризуя этот период, констатировал: «В это время рыболовство имело характер еще вольного, хотя и хищнического промысла» [Житецкий 1892: 42], следовательно, можно утверждать, что рыболовство у калмыков Нижнего Поволжья было уже в начале XVIII в., если не раньше, и указанные законодательные акты правительства и губернской власти России регламентируют уже окончательно сложившийся промысел.

В этот период развитие калмыцкого рыболовства проходило уже по двум направлениям: самостоятельное рыболовство и наем на рыбодобычу к русским рыбопромышленникам. Особый интерес для губернской администрации представляло развитие рыболовства у калмыков именно по найму. Это было связано прежде всего с проблемой нехватки людских ресурсов в регионе, поэтому привлечение калмыков призвано было в некоторой степени ослабить ее остроту. Другой причиной была борьба со «свободными» ловцами-калмыками, которые большей частью не платили налоги и пошлины при продаже рыбы и создавали определенную конкуренцию владельцам так называемых «откупных» вод. Деятельность «свободных» калмыков-ловцов встречала все более негативное отношение со стороны губернской администрации, так как она в той или иной степени приводила к столкновению интересов калмыцких рыбаков, с одной стороны, и местного оседлого населения, а также волжских рыбопромышленников — с другой. Об этом говорит и запрет калмыкам на продажу рыбы в городе. Они могли продавать ее только в улусах. Также запрещалось продавать соленую рыбу, рыбий клей, визигу [Батмаев 1993: 317], так как «калмыки на соленье той рыбы соль употребляют не казенную, но берут со степных озер» (цит. по: [Панченко 2006: 38]).

По данным архива Калмыцкого управления, в 1741 г. 13 астраханских рыбопромышленников наняли на свои промыслы 6 400 кибиток калмыков [Очерки 1967: 165].

Рыболовство у калмыков в XIX и начале XX вв.

В XIX в. условия жизни калмыков заметно изменились. Ликвидация ханской власти позволила правительству установить более полный административный контроль над жизнью населения калмыцкой степи. Усилился колониционный поток. Калмыцкие кочевья оказались в это время окружены крестьянскими поселениями, что существенным образом отразилось на хозяйстве калмыков, испытывавших все большее влияние общерусских экономических процессов. В 1862 г. К. И. Костенков так оценивал численность калмыков, шедших в наем на рыбные промыслы, — более 10 тысяч человек. При этом калмыки составляли почти 97 % всех неводных рабочих: 6 359 из 6 825 человек [Батыров 2010: 107].

Главным пунктом найма калмыков на рыболовные промыслы был Калмыцкий Базар. Этот населенный пункт ежегодно оживал в последний месяц зимы и в первый месяц весны, когда калмыки со всех улусов спешили под Астрахань для заключения контрактов с астраханскими рыбопромышленниками, которые фиксировались калмыцкими бодокчями. В обязанности последних входило наблюдение за прибывшими для найма калмыками и в ручательстве за их «исправность». По сведениям за 1834–1835 гг. на Калмыцком Базаре подражалось до 5 тысяч калмыков рабочих [Карагодин 1981: 31–48]. По данным о выдаче билетов с 1867 по 1873 гг., число ловцов увеличилось на 30,3 % [Отчет 1873: 45].

С другой стороны, продолжало развиваться и калмыцкое вольное рыболовство. Широкое развитие оно получило после принятия 25 мая 1865 г. Министерством государственного имущества нового «Устава каспийских рыбных и тюленых промыслов», инициированного К. И. Костенковым. Новый устав разрешал свободную ловлю рыбы и тюленей в водах Каспийского моря всем желающим, за исключением отдельных рыболовных угодий [Костенков 1868: 143]. Рыболовный промысел приносил калмыцкому хозяйству определенный доход, так как часть рыбы шла в пищу, а часть — на продажу, но заниматься им могли наиболее состоятельные в данной хозяйственной группе калмыки, которые располагали средствами для приобретения рыболовецкого инвентаря.

В конце XIX в. наем калмыков на рыболовные промыслы приобрел устойчивые формы. В 1880-е гг. в Астраханской губернии числилось 423 рыбопромышленных «завода» в дельте Волги и на море, которым требовалось ежегодно до 50 тысяч рабочих на весеннюю и осеннюю путины. К тому времени, по подсчетам современника, калмыки составляли более 26 % рабочих рыбных промыслов низовьев Волги [Очерки 1967: 282].

В 1885 г. на рыбные промыслы в основном нанимались жители Яндыко-Мочажного улуса — 7 767 человек, Багацохуровского — 147 человек и поселка Калмыцкий Базар — 1 894 человек [Батыров 2010: 107].

В 1893 г. в Астраханской губернии был выдан калмыкам 18 651 билет для найма на работу. Более половины выданных билетов приходилось на калмыков приморского Яндыко-Мочажного улуса. В 1902 г. из 18 730 билетов и свидетельств на долю Яндыко-Мочажного улуса приходилось 10 038 билетов, Эркетеновского — 2 647 и Хошеутовского — 833. Остальные билеты приходились на отходников из других улусов Калмыкии [Очерки 1967: 282, 313]. Мало

того, калмыки занимались на рыбные промыслы не только в Астраханской губернии, но и в устье Терека и даже юго-западного побережья Каспийского моря, в Сальянах и Ленкорани. Тем, кто подряжался на длительный срок (8–8,5 месяцев в году), оплачивался проезд. В 1893 г. только из Икицохуровского улуса выехало на эти промыслы до 150 человек, которые жили семьями и в своих кибитках [Очерки 1967: 282].

Кроме того, в начале XX в. рыболовством самостоятельно занимались 2 547 калмыцких хозяйств Астраханской губернии, что составляло 11,8 %. Значительное место занимало рыболовство в хозяйствах калмыков Яндыко-Мочажного улуса, где рыболовецкие хозяйства составляли 37 % от всего количества хозяйств в улусе (2 051 из 5 575). Хозяйства, самостоятельно занимающиеся рыболовством, имели необходимый инвентарь. Так, у 2 051 рыболовецкого хозяйства улуса имелось 344 подчалка, 1 109 бударок, 39 854 сети [Очиров 1925: 36].

Калмыцкий труд ценился рыбопромышленниками высоко, но оплачивался очень плохо. Прежде всего ценилась выносливость рабочих: «привычка их к суровой жизни, крепость тела, способность переносить тяжелые труды и всякого рода лишения делают из калмыков самых надежных и неутомимых работников на Астраханских промыслах и солеломнях» (цит. по: [Мейстрик 1969: 159]. Поэтому депутат I Государственной Думы Д. Ц. Тундутов, член аграрной комиссии, наряду с ходатайством о ликвидации попечительства и об ограждении калмыцких земель от отчуждений поставил вопрос и о наделении приморских и приволжских калмыков рыболовными водами [Госдума 1906: 1075, 1214–1215].

Следует отметить, что на рыболовстве специализировались отоки, которые при переселении на новые места кочевий поселились по берегам Волги и Каспийского моря: цатаны, багуты, харахусы, хошуты и др. Харахусы входили в состав Харахусо-Эрдниевого улуса, который находился к западу от Волги. Этот улус зимовал раздельно: харахусы — в Мочагах, а эрдниевицы — близ худуков в степи и в займищах Волги. Хошеутовский улус кочевал летом на луговой стороне Волги, а зимой по правому берегу. «Калмыки Яндыковского улуса и зимой, и летом оставались на северо-западном берегу Каспия и по берегам ильменей дельты Волги. До 2 тыс. кибиток калмыков разных улусов располагались в так называемых Мочагах на берегу моря. Эти „мочажные“ калмыки в дальнейшем и влились в Яндыковский улус, получивший название Яндыко-Мочажного» [Очерки 1967: 259].

Улюмджи Душан, заслуженный врач РСФСР, получивший высшее медицинское образование до Октябрьской революции, выходец из Эркетеновского улуса, работавший в этом же улусе, в своей статье «Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе» указал, какие аймаки издревле занимались рыболовством:

Все пространство по берегу моря, шириной 15–20 км от моря, начиная от села Лагани (Каспийск)¹ до Даргинской мели, занимал Багацатановский аймак. На этом пространстве было несколько мелких рыбных промыслов (Ики-Херинов-

¹ Так в документе. Правильно: Каспийский. Лагань носила это название: с 1944 г. по 1963 г. в статусе поселка, с 1963 г. по 1995 г. в статусе города.

ский и Бичкин-Хериновский)... В южной части аймака находились еще рыбные промыслы купцов Блинова, Шапошникова, Иванова, Белова. Как уже говорилось, эта местность была изрезана бесчисленными речками, ильменями, озерами и т. д. На островках, образуемых ими, жили крупными и мелкими хотонами багацатановцы. Основным занятием их было рыболовство. Они были не только речными и ильменными ловцами, но главным образом, морскими. Чтобы быть морским ловцом, надо было иметь орудия лова более усовершенствованные. Одному человеку нести расходы для морского лова было не под силу, поэтому обычно объединялись несколько семей. Приобретали парусное судно грузоподъемностью от 300 до 500, а иногда и больше пудов, сети, крючки и т. д. <...> Иногда эти ловцы на своих суденышках осмеливались доходить до островов Тюлений, Чечени и даже Долгий. Скотоводством здесь занимались мало. Держали самое необходимое количество коров, овец и коз.

Калмыки-багацатановцы в сравнении со степняками были более развиты физически. Здесь, по-видимому, немаловажную роль играл род их занятий — рыболовство, которое требовало от них постоянного физического напряжения. Но также, несомненно, и питание. Жители Мочагов не только питались молоком, но употребляли и мясо, хотя мало, почти никогда не обходились без лепешки и редко без рыбы. Они были ловкие и расторопные в работе, связанной с рыболовством и вообще с водой. <...> О верблюдах раньше они не имели никакого понятия. <...> У них верблюд не имел названия. Имел описательное прозвище. <...> Называли верблюда „хойр харул“ — двухмачтовый (два горба). <...> Вообще багацатановцы имели слабое представление о степи. Существовал по этому поводу следующий, похожий на анекдот, рассказ. Как-то одному багацатановцу пришлось выдавать замуж свою дочь за степняка, мать, провожая свою дочь, горько оплакивала ее судьбу следующими причитаниями: «Милая моя, ты, выросшая, питаешься привычным тебе мясом белуги и осетра, будешь теперь питаться этим невкусным, водянистым мясом барана. Ты, привыкшая сидеть на корме лодки и направлять ее рулем, куда хочешь, теперь будешь управлять головой двухмачтового(верблюда)». <...> Севернее багацатановцев, пространство до Лагани занимал Шарс-Багутовский аймак. <...> Население тоже занималось рыболовством как в реках, ильменах, так и на море. <...> Шарс-багутовцы тоже были более крепкими, чем степняки, по-видимому, здесь играли роль те же причины, что у багацатановцев. <...> В пределах этого аймака был довольно большой промысел («Мангутинский»). <...> Пространство к югу от вышеуказанных рыбных промыслов Блинова, Шапошникова и Жукова до устья реки Кумы являлись кочевьем калмыков различных родов, в основном эркетен-цатановцы, мочажные бульчиновцы. <...> За багацатановцами, к западу по направлению к степи, жили калмыки Ахацатановского аймака. <...> Они кочевали по берегу реки Цекерта в урочище Улан-Эрге. Они во всех отношениях мало отличались от степняков. Но тоже были крепче здоровьем, чем степняки. <...> Основное занятие: речное и морское рыболовство. Многие были рабочими на рыбных промыслах. Скотоводством занимались мало...

[Душан 1973: 41–48].

В августе 1910 года общество калмыков Багацатановского аймака Яндыко-Мочажного улуса возбудило ходатайство о предоставлении ему в арендное содержание на 6 лет казенных вод Ватажского участка, который ранее был снят ими всего на год. Калмыки этого аймака были в экономическом отношении малообеспеченными; на 5 625 человек населения приходилось лишь 5 623 головы крупного рогатого скота и 4 937 голов мелкого. Однако, несмотря на ходатайство, Министерство земледелия распорядилось о торгах, в результате

которых рыбный участок получил рыбопромышленник Блохин за 1 250 рублей (вместо прежних 775 рублей). Даже когда калмыки предложили за участок 1 350 рублей, их просьба была отклонена.

[Очерки 1967, 365].

Таким образом, очевидно, что на рыболовстве специализировались целые аймаки, имевшие своих зайсангов и богачей, поэтому вряд ли можно говорить о том, что рыболовством у калмыков занимались только обедневшие массы. С другой стороны, реформа 1892 г. по ликвидации обязательных отношений привела к серьезным последствиям для калмыцкого общества. Одним из важнейших последствий стало расслоение простолюдинов и зарождение слоя наемных рабочих, который стал увеличиваться по мере развития рыбной промышленности и крупных товарных земледельческих и животноводческих хозяйств. Основными поставщиками рабочей силы являлись хозяйства, имевшие до 15 голов скота, которые составляли 78,7 % хозяйств Калмыцкой степи [Очерки 1967. 345].

Многовековое занятие рыболовством и проживание у воды отразилось и в обрядовой сфере у жителей этих аймаков. Например, среди буддийских обрядов поклонения стихиям, преобладающим стал обряд поклонения воде «Ус тэхх», который практикуется и по сей день. В определенное время на берегу реки или водоема, как на праздник, собираются все жители села и проводят ритуал. Заранее готовят плот и жертвенное животное, чаще всего это бывает козел «сетрэ яман». Буддийские монахи читают большой молебен *Цаган аав* (Белому старцу) и *Усна эзн* (Хозяину воды). Козла кормят яствами и какими-то травами (возможно, растениями, имеющими наркотические компоненты). Плот находится на отмели, на него заводят разукрашенное разноцветными лентами животное и тонкой нитью привязывают к плоту, вокруг зажигают 108 лампадок и сплавляют к середине реки. В это время все молятся, бросают в реку «белые» и «красные» монеты. Через какое-то время, обычно к вечеру, бриз прибивает плот к берегу. Животное с этого дня для сельчан становится священным животным, оно может находиться в сельском стаде, заходить в любой двор и везде будет желанным. Даже если бывало, что козел становился бодливым, никто не мог ударить его, оставалось только убежать. Обряд проводился ежегодно, часто один и тот же козел не один раз служил жертвенным животным [ПМА: Н. Х. Сарангов].

Кроме того, среди приморских калмыков бытовал обычай, который сегодня канул в Лету: мужчин хоронили в гробу уложенными вниз лицом. Автор статьи в детстве наблюдал этот ритуал и слышал разъяснение его смысла от гелюнга Цагана Утаевича Отхаева, который жил в поселке Улан-Хол. По словам гелюнга, так издревле хоронили людей, чья жизнь была связана с водной стихией. Он говорил, что когда тонут мужчины, то их тела находятся в воде всегда вниз лицом, а женщины — лицом вверх [ПМА: Ц. У. Отхаев]. Сегодня приморских калмыков хоронят, как принято у всех, но в отдельных случаях перед закрытием гроба голову чуть наклоняют набок (*йөрин дарад*) [ПМА: Е. Г. Очирова].

Традиционно у калмыков был обычай: особо уважаемым гостям или старейшинам подносили сваренную баранью голову. Это особый ритуал, и нужно знать, как подносить блюдо, а тот, кого угощали, должен знать, как приступить к трапезе, какое благопожелание нужно сказать в знак признательности. У жителей же приморья вместо бараньей головы подносили сваренную голову

сазана. И точно так же, как в первом случае, угощающий и угощаемый должны соблюсти особый ритуал. Такую сазанью голову (*Сазна алтн амн*) мог есть только мужчина. Эту традицию и сегодня соблюдают в отдельных семьях Лаганского района [ПМА: А. П. Басангов].

Выводы

Существующее среди части ученых мнение, что калмыки издревле занимались исключительно кочевым животноводством и другие отрасли хозяйственной не развивали, а рыболовством занялись на территории Нижнего Поволжья вынужденно, из-за обнищания, не вполне верно. Исследование, проведенное автором, показало, что эта отрасль была привычным занятием для части ойрат-калмыков еще на исторической родине. Уже в начале XVIII в. появились законодательные акты правительства и губернской власти России, которые регламентировали окончательно сложившийся промысел и разграничивали в правах и территории лова калмыцких и русских ловцов. Во второй пол. XIX – начале XX в. для части калмыков приморских и приволжских улусов рыболовство являлось главной отраслью хозяйственной деятельности.

Также можно констатировать, что развитие рыболовства у калмыков, безусловно, усилило его экономическую основу и увеличило жизненные ресурсы калмыцкого общества. Очевидно, что издревле эта отрасль для отдельных отоков, наряду с животноводством, играла особую роль в их жизни.

Полевые материалы автора

- ПМА: А. П. Басангов — Информант Басангов Алексей Поштарович, ики багут. Запись 05.05.1997 г.
- ПМА: Ц. У. Отхаев — Информант Отхаев Цаган Утаевич, 1900 г. р., шарс багут. Запись 11.09.1974 г.
- ПМА: Е. Ц. Очирова — Информант — Очирова Евдокия Цагановна, 1945 г. р., шарс багут. Запись 15.03.2020 г.
- ПМА: Н.Х. Сарангов — Информант — Сарангов Нимя Хариевич, 1928 г. р., ики багут. Запись 17.03.1993 г.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батыров 2010 — *Батыров В. В.* Рыболовный промысел. Отходничество // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 105–111.
- Батыров 2009а — *Батыров В. В.* Рыболовство у калмыков в XIX – начале XX в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 522–527.
- Батыров 2009б — *Батыров В. В.* Хозяйственные занятия калмыков и торговля в калмыцких улусах // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 559–571.
- Госдума 1906 — Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. II. СПб.: Гос. тип., 1906. 867–2013 с.
- Душан 1973 — *Душан У. Д.* Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести КНИИЯЛИ. Ставрополь: Краевая типография, 1973. № 31–107.
- Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки): в 2 очерках. Астрахань: Тип. «Астрах. листка», 1892. Вып. V. 214 с.

- Карагодин 1981 — *Карагодин А. И.* Калмыцкий Базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии (сост. Полковником Костенковым). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1868. VIII, 175 с.
- Крепская 2008 — *Крепская И. С.* Калмыки в экономической политике России (1700–1771 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2008. 168 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Кручкин 2006 — Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь / сост. Ю. Кручкин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 921 с
- Мацакова 2018 — *Мацакова Н. П.* Развитие рыболовства у калмыков в XIX веке // Северное востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы II междунар. форума (г. Элиста, 29 ноября – 2 декабря 2018 г.). Элиста: КалмГУ, 2018. С. 481–486.
- Мейстрик 1969 — *Мейстрик В. А.* Занятие калмыков рыболовством в ранний период их европейской жизни // Ученые записки КНИИМС. Вып. 8. Элиста: [б.и.], 1969. С. 152–185.
- Отчет 1873 — Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1873 г. Астрахань: Губ. типография, 1873. 55 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Очиров 1925 — *Очиров Н.* Астраханские калмыки и их экономические состояние в 1915 г. Астрахань: Изд. Калмыцкой Областной плановой комиссии, 1925. 78 с.
- Панченко 2006 — *Панченко И. С.* Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: КалмГУ, 2006. С. 35–40.
- Панченко 2007 — *Панченко И. С.* Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2007. № 4–3 (56). С. 253–256.
- Попов 1861 — *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М.: В тип. В. Грачева и К, 1861. 803 с.
- Сокровенное сказание 2013 — Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая яса. М.: Эксмо, 2013. 475 с.

Author's Field Data

- Informant: Aleksei P. Basangov, Iki Bagut clan. Rec. on May 5, 1997. (In Russ. and Kalm.)
- Informant: Tsagan U. Otkhaev, b. 1900, Shars Bagut clan. Rec. on September 11, 1974. (In Russ. and Kalm.)
- Informant: Evdokiya Ts. Ochirova, b. 1945, Shars Bagut clan. Rec. on March 15, 2020. (In Russ. and Kalm.)
- Informant: Nimya Kh. Sarangov, b. 1928, Iki Bagut clan. Rec. on March 17, 1993. (In Russ. and Kalm.)

References

- Annual Report of Astrakhan Provincial Statistical Committee: 1873. Astrakhan: Astrakhan Provincial Printing House, 1873. 55 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmykia in the 17th – 18th Centuries: Events, People, Everyday Life. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Economic activities of Kalmyks, and trade within Kalmyk-inhabited districts. In: Ochirova N. G., Maksimov K. N. (eds.) History of Kalmykia: from Earliest Times

- to the Present Days. Ochirov U. B., Bakaeva E. P., Mitirov A. G. et al. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 559–571. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Fishery activities. Seasonal works. In: Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) *The Kalmyks*. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 105–111. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Fishery practices among Kalmyks: 19th – early 20th centuries. In: *United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future*. Conf. proc. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 522–527. (In Russ.)
- Dushan U. D. Erketenevsky District of the Kalmyk ASSR: historical and ethnographic notes. In: *Ethnographic Newsletter*. Vol. 3. Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Stavropol: Stavropol Krai Print. House, 1973. Pp. 31–107.
- Genghis Khan. *The Secret History of the Mongols*. The Great Yassa. Moscow: Eksmo, 2013. 475 p. (In Russ.)
- Kalmyk ASSR: *Historical Essays*. Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. Kalmytsky Bazar: history of trade relations in Kalmykia revisited, mid-18th to mid-19th centuries. In: *Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1981. Pp. 31–48. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. *Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Statistical and Economic Description*. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1868. 175 p. (In Russ.)
- Krepskaya I. S. *Kalmyks in Russia's Economic Policies: 1700–1771*. Cand.Sc. (history) thesis. Astrakhan, 2008. 168 p. (In Russ.)
- Kruchkin Yu. N. (comp.). *Unabridged Contemporary Russian – Mongolian and Mongolian – Russian Dictionary*. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2006. 921 p. (In Mong. and Russ.)
- Matsakova N. P. 19th-century fishery practices of Kalmyks. In: *Network Oriental Studies: Oral and Written Traditions in Context of Cross-Cultural Interaction*. Forum proc. (Elista; November 29 – December 2, 2018). Elista: Kalmyk State University, 2018. Pp. 481–486. (In Russ.)
- Meystrik V. A. Fishery activities of the Kalmyks in their early years west of the Urals. In: *Kalmyk Research Institute of Meat Livestock Breeding: Scholarly Notes*. Vol. 8. Elista, 1969. Pp. 152–185. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk – Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ochirov N. *Astrakhan Kalmyks and Their Economic Conditions in 1915*. Astrakhan: Kalmyk Oblast Planning Committee, 1925. 78 p. (In Russ.)
- Panchenko I. S. Development of Kalmykia's fisheries in the 1740s. In: *Oriental Studies in Kalmykia*. Coll. scholarly papers. Vol. 1. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 35–40. (In Russ.)
- Panchenko I. S. Policies of Russian government and economic development of Kalmykia: 1700s – 1750s. *Izvestiya of Altai State University*. 2007. No. 4–3 (56). Pp. 253–256. (In Russ.)
- Popov N. A. V. N. *Tatishchev and His Time: Revisiting One Episode from the History of State, Public, and Private Life in Russia (Early-to-Mid 18th Century)*. Moscow: V. Grachev and Co., 1861. 803 p. (In Russ.)
- State Duma: *Verbatim Records, 1906*. Session One. Vol. II. St. Petersburg: State Printing House, 1906. Pp. 867–2013. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. *Astrakhan Kalmyks: Observations and Notes (Two Essays)*. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. 214 p. (In Russ.)